
ГЛАВА X

СОКРАТ¹

1. Общее значение деятельности Сократа

Главнейшим предметом древнего умозрения была чувственная вселенная, объятая кругом небесным. Небо есть видимое божество: оно все объемлет, все содержит, всем управляет. Оно дает земле тепло и влагу, оно распределяет холод и зной, свет и тьму, жизнь и смерть во всей природе. Им определяется зима и лето и весь порядок жизни, природной и человеческой, и с ним законы культа и государства. Светила небесные знаменуют все времена и сроки. Всякий порядок в мире зиждется и утверждается небом, ибо само оно есть видимое воплощение неизменного, закономерного порядка: зима и лето, ночь и день и все, что связано с ними, наступает в определенные сроки, точно так же как фазы Луны, затмения и другие явления небесные. Поэтому все народы поклонялись небу, а мудрецы созерцали его и пытались проникнуть в его тайную мудрость.

В известном смысле все древнейшие учения греческих философов могут рассматриваться как астрономические гипотезы (напр., учение Анаксагора о первом двигателе). Небо есть вода Фалеса, Океан Гомера, водная бездна египтян, по которой плавают в золотых ладьях астральные боги. Небо есть воздушная бездна Анаксимена, то сгущающаяся, то разреженная, веющая в вечном движенье, носящая в себе плоскость земную и светила. Небо есть Беспрепдельное Анаксимандра, вечное, врачающееся от начала; зима и лето, холод и зной суть его аффекты, его состоя-

---

¹ Ср.: *Alfred Fouillée. La Philosophie de Socrate. I и II. Paris, 1874*, исследование, написанное на академическую тему «Сократ как метафизик». По нашему мнению, это самая философская работа по занимающему нас вопросу, хотя автор иногда приписывает Сократу слишком много платоновского — ошибка во всяком случае более извинительная, чем совершенное отрицание всякого умозрительного содержания в учении Сократа. Другие исследования указаны мною ниже, хотя я и не считал нужным приводить всю литературу. 2-й том Целлера я цитирую по новому (4-му) изданию 1889 года.

ния, из которых образуются все вещи; земля и светила — небесный огонь, заключенный в воздушные трубы астральных сфер,— все носится в нем¹, все из него выделяется и снова возвращается в него по порядку времени. Небо есть вместилище божественного огня Гиппласа и Гераклита, небесной молнии, окормляющей мир; в вечном круговороте своем оно есть Гадес и Дионис, бог ночи и дня, заката и востока, бог радостной жизни и бог сени смертной².

Небо есть видимая гармония и число — главный предмет умозрения пифагорейцев, видимое божество, которому они служили на земле, созерцая его и осуществляя во всем его стройный порядок. Оно дышит в себя и из себя, рождая десять тел небесных, вращающихся вокруг центрального огня и окруженных огненной стеной³. Взирая на целое небес, Ксенофан Колофонтский нашел, что все — единое, единое же есть бог. Небо есть круглый бог элейских философов, божественный шар без рук и без ног, который наполняет собою все, весь видит, весь слышит и без напряжения мысли управляет всем⁴. Это чистое, вездесущее, вечное тело, состоящее из непроницаемой эфирной тверди; по «истине», оно едино, однородно, всюду тождественно себе; по лживому «мнению», оно преломляется в тьме небытия на ложное множество подвижных и пестрых предметов⁵. Но диалектика Парменида и его учеников оставляет «путь ночи» и, следуя «пути дня», показывает, что сущее едино, что весь космос наполнен только одним божественным телом абсолютной плотности. Эта сфера есть также и верховный бог Эмпедокла: некогда покончившаяся в любовном единстве, она была разбита и рассеяна Враждою; но превозмогающая сила Любви вновь собирает ее в первоначальный божественный шар.

Независимо от всякого разнообразия начал, все древние философы видели в небе источник разумного порядка во всей природе точно так же, как и в человеке. Самая душа наша имеет небесную природу, огненную или воздушную, самый разум наш имеет силу лишь в общении с небесным светом⁶. Одно небо, одни светила наделены

¹ См. выше, с. 150—151.

² С. 227 и др.

³ С. 207—211.

⁴ С. 259 и сл.

⁵ С. 270 и сл.

⁶ С. 243 и сл.

способностью разумного и вместе непрерывного движенья, и потому они движут собой все остальное. Поэтому Гераклит, пифагорейцы и атомисты видели в душе частицу божественного, звездного естества. Поэтому Филолай и Платон впоследствии рассматривали душу как микрокосм, устроенный по образцу видимого неба. Небо — отчество души, как говорил Анаксагор. В нем написан закон ее, и потому она сходит и восходит, переселяется от смерти к жизни, следя круговороту вселенной: так учили пифагорейцы и с ними большинство философов. Вся этика пифагорейцев носила астрономический отпечаток¹.

Но если небо есть источник всех вещей, если оно все устрояет, всем правит, то — как объяснимо оно само? Все философы пытались открыть его тайну, но, чем более углублялись они в нее, тем более усложнялась задача, тем более казалась она праздной и неразрешимой, и малопомалу то, что было делом жизненной и глубокой философии, стало праздным и бесполезным занятием. Мы проследили историю древней физиологии вплоть до того момента, когда она, запутавшись в собственных неразрешимых противоречиях, пала под ударами софистов.

Новую эру в истории человеческой мысли открыл Сократ: он свел философию с неба на землю² и вместе впервые отрешил ее от природы, открыв ей духовную, метафизическую область. В эпоху всеобщего брожения, колебания всех философских, нравственных, религиозных и политических верований и преданий он указал на человеческое самопознание как на источник и начало всякого истинного знания и философии. Он отказался радикально от всякой физики, он ничего не искал познать относительно всей природы, но обратился к познанию нравственного существа человека. От мира явлений, от того, что известно нам посредством наших чувств и рассудка, он перешел к тому, что нам непосредственно известно, и впервые подверг исследованию самые познавательные процессы человека и нравственные деятельности его духа. В этой нравственной области он думал найти единственное, безусловное и непосредственное знание, независимое от показания чувств, от какого-либо внешнего авторитета или произвольного человеческого рассуждения,—знание всеобщее, объективное и безотносительное, в котором он

¹ С. 212, 214 и др.

² Cic. *Tuscul. quaest.* V 4: «Socrates primus philosophiam devocavit e coelo».

видел абсолютный критерий всякого возможного знания¹. И вместе с тем в таком знании Сократ видел единственно полезное и нужное человеку, имеющее для него высший нравственный интерес².

Самопознание есть задача всей философии вообще; философия каждого народа есть выражение его самосознания, объективное сознание его идеалов. Но наступает время, когда интуитивного родового самосознания недостаточно, когда традиционные идеалы оказываются слишком ограниченными и вступают в противоречие между собою и с действительностью. Тогда потребно необычайное углубление личного самосознания, чтобы вернуться к первоначальному источнику, чтобы найти более глубокий положительный идеал. В эпоху сомненья и разрушенья, когда твердая почва уходит из-под ног, с особою силою чувствуется потребность в безусловном, в достоверном и положительному знании, в крепком убеждении и уверенности, в общих абсолютных принципах. Тогда особенно важно *найтись*, собрать себя и познать себя до глубины: нужно понять смысл и цель своей жизни и деятельности, разобрать, что мы знаем и чего не знаем, что нам нужно знать и делать, что мы можем и чего не можем, чему нам верить, чему служить, чем и как жить.

Великое слово «познай себя самого» было известно в Греции еще до философии как заповедь дельфийского бога. И это же слово неоднократно изменяло весь образ человеческой мысли в последующие времена. Но ни один философ не связал своего имени с этим словом, кроме Сократа, который не считал достойным жить иначе как для него и за него же умер³. Сократ был не только философом, но и учителем человечества, хотя и не почитал себя ничьим учителем. Он был религиозный проповедник, стремившийся произвести нравственную реформу посредством безусловной вселенской философии. В этом заключается его значение⁴. Для такой реформы требовалось

¹ Arist. Met. I 6, 987b: Σωκράτους δὲ περὶ τὰ ἡθικὰ πραγματευομένου περὶ δὲ τῆς ὅλης φύσεως οὐδὲν, ἐν μέντοι τούτοις τὸ καθόλου ζητούντος καὶ περὶ ὁρίσμάν ἐπιστήσαντος πρώτου τὴν διάνοιαν... ^{1*}; ср.: XIII 4, 1078b 17 и сл.

² Xen. Mem. I 1, 11: οὐδὲ γάρ περὶ τῆς τῶν πάντων φύσεως, ἢ περὶ ὅλων οἱ πλεῖστοι, διελέγετο... ^{2*} и т. д.

³ Plat. Apol. 38a: ὁ δὲ ἀνεξέταστος βίος οὐ βιωτὸς ἀνθρώπῳ. Lach. 187e; Xen. Mem. IV 7, 1, IV 2; Arist. ap. Plut. Adv. Col. 20.

⁴ Несмотря на ложное понимание самого учения Сократа, Гrot едва ли не лучше всех историков понял и охарактеризовал его деятельность с этой стороны.

небобычайное углубление сознания, и *Сократ углубил сознание всего человечества*. Каждый из нас слишком многим обязан Сократу, чтобы понять все его значение и даже все его влияние на современников. Мы с детства пользуемся его умственными изобретениями, привыкаем к ним и не удивляемся им более. Мы принимаем за рационализм это постоянное самоуглубление, постоянную рефлексию Сократа и забываем, что путем непрестанного самопознания во всех вопросах и обстоятельствах жизни Сократ доходил до какой-то мистической нравственной прозорливости. Тот самый Сократ, который говорил со всяkim встречным гражданином, требуя от него ясного и отчетливого сознания относительно обыденных, повседневных вещей и ходячих понятий, проставлял сутки в неподвижном размышлении и предпочел умереть, чем отказаться от своего служения.

Сократ признал безумием прежнюю физику: ее бесплодие, ее противоречия совершенно понятны, ибо задача ее суетна и неразрешима. Нельзя обладать существенным познанием природы, как нельзя творить ее явлений; существенное знание природы есть божественное, а не человеческое¹. Внешнее же знание явлений независимо от непосредственной пользы, от своей приложимости ни на что не годно и дает только мнимое разумение вещей. Существенное, полное знание мы можем иметь лишь о себе самих, и только такое знание полезно, только оно одно истинно и заслуживает своего названия. Лишь в нравственной области познание возможно и достижимо; лишь здесь мы можем найти разумный закон и критерий, основание и цель всякой человеческой деятельности; лишь в нравственной области познание истины может быть существенно и потому *действенно*. От этого оно не только полезно, оно необходимо для всех. Сознавая это, Сократ «непрестанно рассуждал о делах человеческих, рассматривая, что благочестно и что нечестиво, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, что мудрость и что безумие, что храбрость и трусость», знание и заблуждение, добродетель и красота; знающих все это он почитал за свободных и добрых людей, незнающих — за рабов². Ибо он считал такое знание не только теоретическую, но и практическою мудростью³: если знание добра

¹ Xen. Mem. I 1, 11—16.

² Ib. I, 16. Cr. IV 7.

³ Ib. III 9, 4: σοφίαν καὶ σωφροσύνην οὐ διώριζεν.

в нас истинно и существенно, то и действие наше будет истинное и доброе.

Это полное отождествление теоретической и практической мудрости составляет основание Сократова учения. Он верил твердо, что существенное познание истины одно может сделать человека свободным и добрым, освободить его от зла, и отсюда объясняются все особенные черты деятельности Сократа: его самоотверженная любовь к мудрости, его высокое бескорыстие, публичность его учения и его своеобразные приемы. Поэтому он провел жизнь в бедности, в совершенном пренебрежении своих частных, семейных дел, всецело посвятив себя своему служению, беседуя со всяkim человеком, убеждая всех углубиться в себя, позаботиться о душе своей и искать существенного знания того, что хорошо, полезно и право перед Богом. А чтобы достичь такого знания, надо прежде всего сознать свое совершенное неведение относительно всех вещей, отрешиться от всякого мнимого знания, в котором корень человеческого безумия. Главное препятствие к достижению совершенного знания лежит в смешении относительной истины или даже лжи с истиной безусловной, с вселенской правдой. Сократ находил такое смешение повсюду: в древних философских системах, исходивших из того или другого отвлеченного положения, в религиозных мнениях, в морали и политике своего времени и всего более в той софистической культуре, которая возвела в принцип мнимое, ложное знание как единственно возможное и полезное, как *мирскую мудрость*. И Сократ поставил задачей своей жизни борьбу против этой ложной мудрости и разоблачение ее во всех ее видах и проявлениях.

В этом разоблачении состоит ирония Сократа, в высшей степени нравственная и объективная: всякое утверждение, выдающее себя за безусловно истинное, он произвольно принимает за таковое; он даже сам иногда придает ему характер всеобщности и безусловности — в чем заключается признак вселенской истины. Затем он заставляет собеседника развить свое утверждение, выводит из него все логические следствия и постепенно, путем ряда вопросов, раскрывает противоречие между формальной всеобщностью и безусловностью утверждения и ограниченностью, относительностью его содержания — формальное противоречие между тем, что утверждает человек, и тем, что он должен признать за истину, между тем, что он знает, и тем, что он думает знать. Несмотря на такой отрицательный результат, диалектика Сократа преследовала цель положительную, ибо прежде всего он стремился

посредством обличения незнания возбудить в своих собеседниках идеал истинного, абсолютного и вместе положительного знания; при помощи такого идеала человек не только судит о несовершенном своем знании, но стремится к истинному познанию. В таком идеале он имеет не только критерий, но и цель; а от сознания такой цели зависит и сознание средств, путей, или методов, ведущих к ней. Поэтому беседы Сократа не исчерпывались одной отрицательной диалектикой, но заключали в себе указание положительного идеала мудрости и средств к ее достижению. И самая отрицательная диалектика Сократа имела целью не скепсис, не безусловное сомнение во всякой истине и знании, но критический анализ человеческих предрасудков, сомнение в безусловности человеческих мнений. Проникнутый глубокой верою во вселенную Истину, Сократ стремился доказать всем ее безмерное превосходство над всякой мнимой относительной истиной, ее совершенную *метафизичность*: она больше всех мнений людских, она одна существенна, ее одну следует искать в пределах, доступных человеку. И потому Сократ стремился пробудить во всех, во-первых, смиренномудрие, основанное на сознании человеческой ограниченности, во-вторых,—*философию*, т. е. бескорыстную любовь к мудрости, чистую, религиозную любовь к Истине.

Воспитательное значение Сократа, влияние его было чрезвычайно велико и сильно; желая во всех пробудить философию, он успел во многих, и не было возбудителя сильнее, по свидетельству всех учеников его. Ни один из великих ораторов афинских не действовал так сильно и глубоко на слушателей, мужчин и женщин и юношей, как Сократ своими простыми речами: слезы текли, билось сердце, душа смущалась и негодовала против собственного рабства¹. Самое разнообразие умов, им воспитанных, указывает нам на несравненное обаяние Сократа: Платон и Ксенофонт, Антисфен и Аристипп, Евклид, Алкивиад,— одни эти выдающиеся ученики Сократа, имеющие столь мало общего между собой, сходятся в восторженном поклонении учителю. Каждый из них ценил и понимал его

---

¹ Plat. Conv. 215c и сл. слова Алкивиада: πολύ μοι μᾶλλον ή τῶν χορυβαντιώντων ή τε καρδία πηδᾶ καὶ δάκρυα ἐκχεῖται ὑπὸ τῶν λόγων τῶν τούτου... Περικλέους δὲ ἀκόνων καὶ ἄλλων ἀγαθῶν ῥητόρων εὖ μὲν τὴ γούμην λέγειν, τοιοῦτον δ' οὐδὲν ἔπασχον, οὐδὲ τεθορύβητο μου η ψυχὴ οὐδ' ἡγανάκτει ως ἀνδραποδῶδῶς διακειμένου· ἀλλ' ὑπὸ τουτού τοῦ Μαρσύου πολλάνις δὲ οὕτω διετέθην, ὅστε μοι δόξαι μὴ βιωτὸν εἶναι ἔχοντι ως ἔχω³.

по-своему, каждый по-своему им вдохновлялся. Философия величайшего из них, Платона, есть в известном смысле лишь своеобразное объяснение Сократа, развитие метафизических предположений его диалектики и его нравственного учения. Сократ был доступен всем, со всеми публично беседовал, но не со всеми одинаково, открываясь вполне лишь немногим¹. У него были особые друзья, увлеченные его личностью, ходившие за ним повсюду. С ними Сократ читал сокровища древних мудрецов, исследовал их, выбирая из них все, что находил в них хорошего²; с ними он упражнялся в диалектическом искусстве, объясняя им его приемы³. Они собирались на общие трапезы, где за дружеским кубком велись самые задушевные философские беседы, где Сократ мог пить больше, чем кто-либо, сохранив невозмутимую трезвость сознания⁴. Это был тесный союз; по-видимому, даже существовала общая каска на его расходы, т. е. на устройство подобных трапез, жертвоприношений, покупку книг и т. п.⁵

В учительстве Сократа достойно особого внимания, что сам он не считал своей философии учением и потому, во-первых, ничего не писал, во-вторых, не называл себя учителем и своих последователей учениками. Он сам указывает на то, что об учениках его говорят только его враги; противополагая себя софистам, он утверждает, что не имеет никакой мудрости⁶ и не умеет учить людей чему бы то ни было, ни за деньги, ни даром⁷: у него есть друзья, подражатели, последователи, которые ходят за ним, присутствуют при его беседах и участвуют в них⁸. Тот любит мудрость, кто не считает себя мудрым ни много, ни мало,

¹ Ib. 216e.

² Xen. Mem. I 6, 14.

³ Τα τέχνη λόγων, преподавание которой запретили ему Критий и Харикл (Xen. Mem. I 2, 31,ср. IV 6 и др.).

⁴ Указание на такие трапезы мы находим в Xen. Mem. III 14, 1^{4*}.

⁵ Diog. L. II 20; ср.: Diels. Über die ältesten Philosophenschulen d. Griechen (в юбилейном сборнике, посвященном Целлеру), с. 259.

⁶ Plat. Theatet. 150c. Cp.: Aesch. ap. Aristid. Or. XLV; Zeller II 118, 1.

⁷ Plat. Apol. 33a: ἔγα δὲ διδάσκαλος μὲν οὐδενὸς πώποτ' ἐγενώμην... εἰ δὲ τις μοῦ λέγοντος καὶ τὰ ἐμαυτοῦ πράττοντος ἐπιθυμεῖ ἀκούειν...

⁸ Гроф указывает, что Ксенофонт говорит лишь о товарищах Сократа и его спутниках οἱ συνόντες αὐτῷ, οἱ συνιάσται (I 6, 1), οἱ συνδιατρίβοντες—οἱ συγγιγνόμενοι, οἱ ἑταῖροι, οἱ διμιοῦντες αὐτῷ—οἱ συνήθεις (IV 8, 2),—οἱ μεθ' ἑαυτοῦ (IV 2, 1)—οἱ ἐπιθυμηταί (I 2, 60). Аристипп говорил Платону о Сократе δέ ἑταῖρος ήμῶν (Arist. Rhet. II 23, 1398b 29).

кто вменяет человеческую мудрость в ничто перед мудростью божественной¹. Мудрость не есть внешнее знание, ограниченное по содержанию, которое могло бы преподаваться в виде устного или письменного учения, передаваясь от человека к человеку. В самых беседах своих он большей частью только спрашивал друзей и собеседников, как бы желая сам от них научиться, на деле же стремился возбудить в них философский вопрос, поставить им целью существенное знание и указать путь к его достижению.

Посредством такого общения он думал служить своему государству и ближним, сделать их лучшими и мудрыми. Он говорил со всеми, с бедными и богатыми, юношами и старцами, с ремесленниками и художниками, с воинами и гетерами. При этом он, конечно, искал общения со всеми выдающимися людьми своего времени, с политическими деятелями, поэтами и софистами, и подобные беседы были особенно важны как для него, так и для его спутников.

Но всего более Сократ дорожил увлечением молодежи, способных и прекрасных юношей афинских. К ним он ощущал род просветленного чувственного влечения, чисто эстетического. В свободном расцвете молодых сил, телесных и душевных, в гармоническом их развитии было для него нечто неотразимо обаятельное. Самые беспорядочные страсти и порывы молодости не отталкивали его, иногда даже являлись ему признаком богато одаренных натур ($\alpha\gamma\alpha\delta\alpha\iota\ \phi\beta\epsilon\iota\varsigma$), нуждающихся в особо щадительном воспитании, способных на великое во зле и добре². Как истый грек, ваятель по ремеслу вдобавок, он не был чужд влеченья и к внешней красоте молодого тела (он настаивал на необходимости телесного развития и для успешной умственной деятельности)³. Но подобное влеченье, чувственное по первому побуждению, совершенно одухотворялось в нем, освобождалось от всего материального; то был эрос в лучшем и благородном смысле слова, и предметом этого эроса была вся живая индивидуальность человека с его душевной красотой, которую Сократ так умел находить и развивать в молодежи⁴. В этой особенности скрывается не вполне понятная нам, но глубоко народная черта, делавшая личность Сократа особенно увлекатель-

¹ Plat. Apol. 21, 23.

² Xen. Mem. IV 1.

³ Ib. III 12, 5—6.

⁴ См. характеристику сократического эроса в «Пире» Платона. Cp.: F. Chr. Baur, Drei Abhandlungen z. Gesch. d. alten Philos. 1876. Sokrates u. Christus 322 и сл.; Zeller 69.

ной и любезной. Его любовь к друзьям не была отвлеченной, рассудочной, но имела особый, духовно-чувственный характер¹. Такое особенное чувство простиравлось на всех, с кем общался Сократ; он сам называл его эросом, а себя любовником своих друзей². Нет нужды говорить о чистоте такого чувства, этого влечения к духовному произрождению, оплодотворению умов, без которого нельзя воспитывать человеков.

Не преподавая никому ничего, не считая возможным учить кого-либо той безусловной правде, к которой он сам только стремился, Сократ верил в ее живую всеобщность, в ее присутствие в каждой разумной душе и потому силился во всех породить ее сознание. Посредством любовного общения в беседе он стремился оплодотворить ум и помочь ему в рождении мысли. Как сын повивальной бабки, он, по собственным словам, не производил на свет новые мысли или теории, но умел вызвать процесс духовного рождения, направлять его, отличать правильные роды от ложных, недоношенную, мертворожденную мысль — от мысли живой и способной к развитию³. Таким образом, философский эрос Сократа оплодотворял умы, диалектика разрешала ум от бремени, освобождала мысли от ее субъективной замкнутости. Эрос был внутренним двигателем, пафосом, диалектика — формой его философии.

Так учил Сократ в течение многих лет⁴, не занимаясь никаким другим делом, ни частным, ни государственным,

¹ Xen. Mem. I 6, 14: ἐγὼ δούν αὐτός, ω̄ Ἀντιφῶν, ὃσπερ ἀλλος τις ἡ ἅπω ἀγαθὸς ἡ κυνὶ ἡ δρινὴ ἥδεται, οὕτω καὶ ἔτι μᾶλλον ἥδομαι φίλοις ἀγαθοῖς· καὶ ἔαν τι σχῶ ἀγαθόν, διδάσκω...⁶ У Платона эрос определяется как стремление к произрождению в красоте — телесной и душевной (Conv. 206b): τόκος ἐν τῷ καλῷ καὶ κατὰ τὸ σῶμα καὶ κατὰ τὴν ψυχήν.

² Xen. Mem. IV 1, 2, Symp. 8, 2, 24; Plat. Conv. passim, Charm. 155d и др.; также: Эсхин, Aristid. Or. XLV, II. ῥητορικῆς⁷ 30, 34.

³ Plat. Theat. 149—151, знаменитые слова о «майевтике» Сократа: μαίευεσθαί με ὁ θεὸς ἀναγκάζει, γεννᾶν δὲ ἀπεκώλυσεν⁸.

⁴ Он был уже весьма знаменит до 423 г., когда Аристофан вывел его на сцену в своих «Облаках» как представителя всей современной ему философии в ее отношении к обществу. Наряду с действительными чертами сократической философии, как, напр., намеки относительно самопознания (v. 841), майевтики (v. 137,ср.: Plat. Theat. 150e), постоянного воздержания и пр., Аристофан приписывает Сократу учение софистов (риторику и эристику, ἀδικος λόγος⁹, которому идет учиться от него Стерпциад) и метеорософию¹⁰ древних — Гераклита (v. 96), Анаксагора, преимущественно же Диогена Аполлонийского (см. выше, с. 381—382, ср. Nubes 228 и сл., 489 и др.).

проводя жизнь публично — на улицах и площадях афинских, окруженный толпою собеседников, учась от всех и поучая всех, «испытывая себя и других»¹. Его реформаторская деятельность приобрела ему многих врагов. Семидесятилетним старцем он был обвинен в развращении юношества и в религиозной ереси. В своей защитительной речи он говорил о своей религиозной миссии, о своем призвании свыше, о высоком значении своей проповеди; будучи признан виновным, он требовал себе высшей почети вместо наказания и с новой силой засвидетельствовал, что предпочтет расстаться с жизнью, чем изменит своему служению. Он был осужден на смерть и принял ее месяц спустя, отказавшись от бегства, приготовленного его учениками. Они не покидали его до конца, и он беседовал с ними. Его смерть, которою он запечатлел и освятил дело всей своей жизни, осталась навсегда одним из самых величавых и трогательных подвигов в истории, одним из самых возвышенных и прекрасных образов, оставленных древностью.

Своим концом он засвидетельствовал религиозный характер своей деятельности, свою глубокую уверенность в послании свыше. Проникнутый глубокой верой в промысл Божий, он утверждал, что Божество управляет всем, заботится о всех делах человеческих, великих и малых, и открывает человеку свою волю посредством знамений, посредством особо установленных оракулов, освященных религиозным преданием народа². Лично, по собственным словам и по словам своих учеников, Сократ имел особый духовный дар, особое внутреннее откровение, голос которого он слышал с раннего детства и до самой смерти³, возвещенной ему в видении⁴. Этот голос слышался им постоянно, как в важные минуты его жизни, так и по поводу самых незначительных дел⁵. Многим из близких и друзей своих Сократ давал советы на основании этого внутреннего голоса; ученики же верили ему, и, по словам Ксенофона, исполнение его советов всегда приносило пользу, а непослушание — вред⁶. По Платону, этот голос имел лишь отрицательную форму: он внушал Сократу, чего не делать, чего не говорить, осуждая некоторые его

¹ *Plat. Apol.* 28e.

² *Xen. Mem.* I 1 и 4 и пр., см. ниже.

³ Ib. IV 8; *Plat. Apol.* 31d.

⁴ *Plat. Crito* 44a.

⁵ *Plat. Apol.* 31d.

⁶ *Xen. Mem.* I 1, 4.

намерения и поступки; он не повелевал ему ничего положительного и оставлял ему, таким образом, полную свободу выбора¹. Внимательный к себе, Сократ постоянно прислушивался к этому голосу, совещаясь с ним во всем. Иногда, желая идти, он вдруг возвращался на место, иногда изменял направление прогулки², брал назад сказанные слова³, удерживал около себя друзей, когда им грозила неведомая опасность⁴. Он ни с кем не дружился и не мирился, ни с кем не беседовал и вообще не делал ничего без внимания к этому божественному знаку⁵. В других случаях он верил прорицаниям, сновидениям и другим путям откровения. И когда он признавал какое-либо указание божественным, ничто не могло убедить его идти против воли богов; он порицал безумие тех, кто шел против такого указания, предпочитая зрячemu вождю свою слепоту. Сам же—все человеческое вменял в ничто пред божественным советом⁶.

В силу этих откровений Сократ чувствовал себя призванным к своей проповеди, ибо внутренний голос духа отвращал его от всякой иной деятельности, запрещая ему заниматься всяким иным делом, частным или государственным⁷.

Мы еще вернемся к этому демоническому голосу Сократа; была ли это особая прозорливость совести, гиперэстезия^{11*} нравственного чувства или же необычайная способность самоуглубления, делавшая Сократа восприимчивым к самым тонким духовным движениям, к событиям трансцендентальной области духа,—мы склонны признавать совершенную реальность этого странного психического явления.

Кроме отрицательных показаний своего «демонического голоса» Сократ имел еще и другую, положительную санкцию своей деятельности—от самого дельфийского

¹ *Apol.* 31d... *αεὶ ἀποτρέπει, προτρέπει δ' οὐδέποτε.*

² *Euthyd.* 272b, *Phaedr.* 242b.

³ *Ib.* c. cр.: *Apol.* 40ab и *Xen. Mem.* IV 8.

⁴ *Ps.-Plat. Theag.* 128d.

⁵ *Plat. Theaet.* 151a; *Xen. Mem.* II 6, 8, IV 8, 11: εὐσεβὴς μὲν οὕτως, ὅστε μηδὲν ἄνευ τῆς τῶν θεῶν γνώμης ποιεῖν. Иногда, впрочем, откровение принимало положительный характер: когда в беседе ли или в размышлении он нападал на трудный вопрос, которого не мог разрешить, он сосредоточивался и молился; и если потом его озаряла мысль, то он считал ее вдохновенною свыше. *Phileb.* 25b.

⁶ *Xen. Mem.* I 3, 4: αὐτὸς δὲ πάντα τὰνθρώπινα ὑπερώρα πρὸς τὴν παρὰ τῶν θεῶν ξύμβουλίαν.

⁷ *Apol.* 31d, 33c.

бога. На вопрос Херефона, превосходит ли кто мудростью Сократа, дельфийская пифия отвечала отрицательно, как бы вдохновленная духом Аполлона¹. И Сократ, посвятивший жизнь самопознанию, искавший мудрости в себе и не находивший ее, заключил из ответа пифии, что истинная человеческая мудрость состоит в сознании своего неведения и в любви к мудрости высшей, божественной².

Поэтому он и считал своим долгом проповедовать самопознание и мудрость согражданам и чужеземцам, служа всем и Богу в великой бедности³. Поэтому он предпочел умереть, чем ослушаться Бога, хотя бы в малом. «Мужи афинские,—говорил он,—было бы странно, если бы я, повиновавшийся избранным вами вождям и верно сохранивший те посты, на которые я был поставлен при Потидее, Амфиполе и Делиуме⁴, если бы я, не убоявшись тогда смертельной опасности, оставил бы теперь из страха смерти или чего-либо другого тот пост, на который сам Бог, по моему убеждению, поставил меня,—проводить жизнь в философии, испытывая себя и других. Это было бы странно и недостойно; тогда бы я заслуживал суда и обвинения в безбожии за неверие высшему велению, за страх смерти и за мнимую мудрость... И если теперь вы отпустите меня с условием отказаться от моего дела, от философии и моих изысканий, угрожая мне смертью, я отвечу вам, мужи афинские, что я вас люблю и почитаю, но буду более повиноваться Богу, нежели вам. И пока буду жив, не перестану философствовать, увершать и убеждать каждого из вас, говоря каждому встречному по моему обыкновению: о лучший из людей! Ты, афинянин, гражданин города великого и славнейшего в мудрости и силе, как не стыдно тебе заботиться только о богатстве, чтобы его у тебя было всех больше, о почестях, о славе людской, а о мудрости и о правде не пещись, не

¹ Вся греческая философия выросла под сенью этого бога; Милет, Самос, Кротон, Колофон, Эфес, Афины—наиболее важные очаги философии—были значительными центрами культа Аполлона.

² *Plat. Apol. 23.*

³ Ib. 23а—с: ...ἐν πενίᾳ μυρίᾳ εἰμὶ διὰ τὴν τοῦ θεοῦ λατρείαν; *Xen. Mem.* I 6, 2—слова софиста Антифона: ζῆς γοῦν οὕτως, ὡς οὐδ' ἀν εἰς δοῦλος ὑπὸ δεσπότη δικαιόμενος μείνειε· σιτία τε σιτή καὶ ποτά πίνεις τὰ φαυλότατα καὶ ἴματα ἥμφιεσαι οὐ μόνον φαῦλον, ἀλλὰ τὸν αὐτὸν θέρους τε καὶ χειμῶνος, ἀνυπόδητός τε καὶ ἀχίτων διατελεῖς¹². Ср. многочисленные насмешки Аристофана над босоногими оборванцами Сократовой школы.

⁴ Где он спас жизнь Ксенофонту^{13*} и Алкивиаду и выказал необычайное мужество и выносливость.

думать о душе, чтобы она была всего лучше? И если кто из вас отвергнет это и скажет мне, что заботится о душе своей, я не тотчас отпушу и оставлю его, но расспрошу, испытаю и обличу; и если я найду, что он неправеден, а только кажется таким, то посрамлю его за то, что он предпочитает незначительное самому великому и драгоценному. Так буду я говорить стару и младу, кому придется, гражданам и чужеземцам—больше гражданам, потому что вы мне ближе по роду. Так мне Бог велит, знайте это, и я полагаю, что не было никогда в городе сем какого-либо блага более великого, чем мое служение Богу. Ибо все мое дело и труд—в том, чтобы убедить вас, старцев и юношей, заботиться прежде всего и крепче всего не о телах и не о богатствах, но о душе, о наилучшем ее устройении. Ибо душа, добродетель, мудрость—не от богатства, но от добродетели все богатства и блага в жизни человеков—частной и государственной¹... И единственной целью моей—доставить каждому из вас величайшее из благ, убедив вас не заботиться ни о чем из того, что принадлежит вам, прежде чем вы не позаботитесь о себе самих,—чтобы вам быть как можно лучше и мудре; и не заботиться о том, что принадлежит государству, прежде чем вы не позаботитесь таким же образом о самом государстве². Отпустите вы меня или не отпустите, я буду говорить и делать то же самое, хотя бы мне даже и несколько раз пришлось умереть³. Если же вы умрете меня, то повредите себе более, чем мне: ибо лучше снести смерть, ссылку, потерю имущества и лишение прав, чем убить невинного. И если я защищаюсь теперь, так это не ради себя, но ради вас, дабы вы не пренебрегли даром Божиим, осудивши меня... ибо Бог привязал меня к этому городу, как к могучему и благородному коню, отягченному своей собственной величиной, которому нужна шпора; на это избрал меня Бог, чтобы я возбуждал и увергал и порицал каждого из вас неустанно, целый день сидя повсюду. Не легко вы найдете другого такого, но, если поверите мне, вы пощадите меня. А если вы, осердясь, как те, которых пробуждают от дремоты, наброситесь на меня, следя совету моих обвинителей, вы легко убьете меня, чтобы затем провести во сне всю остальную жизнь вашу, разве только Бог не пошлет вам кого-нибудь другого, сжа-

---

¹ Plat. Apol. 28—30.

² Ib. 30c.

³ Ib. 30c.

лившись над вами. А что я воистину Богом дан городу вашему, убедитесь из следующего: есть нечто сверхчеловеческое в том, что я столько лет оставил всякую заботу о собственных делах и всецело посвятил себя заботе о вас, обращаясь с каждым из вас, как отец или старший брат, убеждая вас пещись о добродетели. И если бы еще я извлек для себя какую-либо выгоду из моих уверщаний, можно было бы сказать что-нибудь против этого, но вы видите сами, что даже обвинители мои, клеветавшие на меня столь бесстыдно, постыдились обвинить меня в мздоимстве, не могли привести свидетеля против меня. Мне же свидетель — бедность¹... Итак, как я говорю вам, сам Бог повелел мне так делать и посредством прорицаний, и посредством снов, и всяkim другим способом, каким когда-либо божественная воля сообщалась человеку»².

Так исповедовал Сократ свое учение и свою веру перед судом народным. Взвешивая его слова и всю его деятельность, мы приходим к убеждению, что Сократ принадлежал к числу тех загадочных, мистических явлений в истории духовного развития человечества, тех странных личностей, без которых не обходится никакая великкая реформа, никакой нравственный или религиозный переворот. Всякий народ, точно так же как и самое человечество, образует органическое целое; но только части этого целого доступны внешнему наблюдению. Общие начала, родовые органические связи, скрепляющие и оживляющие народное целое, невидимы, скрыты; только в минуты видимого разрушения, опасности или, наоборот, в период высшего напряжения творческой деятельности — эти сверхличные связи, эти демонические, духовные начала народности проявляются в особо одаренных исторических личностях и вдохновляют их. Пророческий патриотизм таких личностей не всегда понят, их реформа представляется всем преимущественно со своей отрицательной стороны, преобразование кажется разрушением, особенно там, где преобразователь выступает носителем сверхнародного идеала.

Сократ был таким реформатором. Отсюда все его величие и вся его глубокая странность, та «атопия», которая столь поражала его современников и до сих пор мешает многим понять степень его значения. Эта странность, это живое противоречие между формой и содержанием, которое Сократ заключал в себе, делает его лицом в высшей

---

¹ Ib. 30, 31.

² Ib. 33c.

степени драматическим — комиком внешней действительности и трагическим героем идеала. Поэтому он вмещал в себе высшую гениальность под внешним видом бездарности, мистическое откровение — под прозаическим резонерством, духовную красоту — под наружностью чувственного силеня.

2. Учение о знании и понятиях

В словах дельфийского бога Сократ нашел санкцию своей философской деятельности. Он был признан мудрейшим из людей, потому что более других искал и любил мудрость и менее всех увлекался мнимым знанием, менее всех считал себя мудрым. Он понял, что такая мудрость достигается самопознанием, самоиспытанием, и стал ее проповедовать, искать ее в себе и других. Он обратился к тем, которые считались всеми за наиболее мудрых, испытал их мудрость и нашел ее мимою. Государственные люди его времени не могли дать ему ответа на вопрос о том, что есть истинная власть и государство, что есть закон и справедливость. Ибо никто из них не руководился общими разумными принципами, а позитивные, традиционные начала пошатнулись. Поэты, творившие столь много истинного и прекрасного, считавшиеся мудрыми у всех, также не выдержали испытания и не могли дать разумного отчета о своем бессознательном творчестве, о задачах и принципах своего искусства. Оставив их, Сократ шел к художникам, к простым ремесленникам: у них он находил относительное знание их ремесла, их дела, но каждый из них, искусный в своей области, считал себя мудрым в самых высших вопросах, и это ложное самомнение обесценивало его относительное уменье. Отсюда Сократ убедился в том, что он мудрее других, ибо, не будучи мудрым, не считает себя таковым и, не будучи знающим, сознает, что ничего не знает¹.

В своих поисках за мудростью, за истинным знанием Сократ обращался ко всем и не находил ни в ком самого понятия знания. И не только практические деятели всякого рода, но и самые философы оказались совершенно чуждыми этого понятия, откуда вытекали все их заблуждения. Смолоду, прежде чем установить свое отношение к философии, Сократ, естественно, должен был обратиться к философам, к учителям мудрости; и, хотя мы не можем назвать с уверенностью учителей Сократа², достоверно,

¹ Ib. 21, 23.

² См.: Zeller II 49, 3; некоторые называют Анаксагора и Архелаев.